

Посвящается Руби

Пролог

— По чему ты скучаешь? Из того, что было Прежде.

— По тостам.

— Да-а, хлеб. Свежий хрустящий хлеб.

Они оба затихают, лежат, не шевелясь.

Вспоминают.

Она чувствует, как тело ее обсыхает, влага, скопившаяся в ямочке пупка, улетучивается.

Сегодня на ней не осталось белого соляного налета, но она все равно чувствует, как кожа стягивается, морщится на солнце.

Дыхание ее выравнивается, пульс возвращается в привычный ритм. Отрывистый стук сердца и судорожные вздохи растворяются в звуках окружающего леса, подобно тому как с гладких камней испаряется озерная вода, накапавшая с их тел.

— По блесткам.

— По блесткам? — фыркает он.

Она пихает его локтем. Обнаженные тела соприкасаются. Он поворачивает голову и целует ее в плечо, извиняется за насмешку.

— А ты вернулась бы? Если б могла? Ради блесток, — с нарочитой беззаботностью задает он трудный вопрос.

Об этом она спрашивает себя каждый божий день, но ответа пока так и не знает.

— Наверное. Если бы ты поехал со мной.

Ее рука скользит по камню, нащупывает его руку. Их пальцы переплетаются, ладони смыкаются. Она чувствует жар, согревающий ее изнутри, как солнце — греет снаружи.

Открыв глаза, она закидывает вверх подбородок, чтобы видеть деревья позади нее. Разлапистые, с раскидистыми кронами, они протягивают во все стороны кривые ветки, которые образуют узор, напоминающий грудную клетку. Легкие земли, думает она, снова закрывая глаза.

Лучи солнца проникают сквозь тонкую кожу век, и мир вокруг кажется розово-сиренево-пурпурным.

Она сжимает его руку в своей, напоминая им обоим, что они вместе, в безопасности.

Разморенная на солнце после утренних занятий, она чувствует, как к ней подкрадывается сон, сознание туманится.

Вспоминает, как они провели день. Прогулка по лесу. Щебет птиц высоко в деревьях. Временами их голоса напоминали крики людей, глумившихся над ними. Ощущение полнейшей свободы при погружении в глубокий прозрачный водоем.

Его ладонь обхватывает ее запястье.

Ее губы прижимаются к его голове, к впадинке за ухом.

Мысли плывут, теряют ясность. В сознание вторгаются грезы — волны, облизывающие песок.

Хвост: широкий, изогнутый, черный.

Нет, не черный — сине-зеленый. Сине-зеленый раздвоенный хвост разрубает воду?

Нет, сушу. Ударяет по земле.

Сине-зеленый раздвоенный хвост бьется о мокрый песок.

День клонится к вечеру, солнце опускается, скатывается с небосвода, отбрасывая тени ветвей на ее лицо.

Она плавает в озере, снова отдаваясь на волю грез.

Лежа на одеяле под яблоней, она читает книгу. Сквозь листву на нее падает пятнистый свет. Ей хочется побывать в неизведанных мирах. Раньше этот роман она не читала. Слова на странице расплываются, но она чувствует, что история будет интересной.

Шерстяное одеяло колется. Она сучит по нему ногами.

Переплетает свои пальцы с пальцами другой руки, лежащей на колючей шерсти. Рука, которую она держит, дарит ощущение надежности.

Ярко-розовое небо. Сиреневое, пурпурное, оранжевое.

На руках у нее младенец, влажный комочек новой жизни.

Слышно радио. Женский голос, стук ножа матери, что-то нарезающей на пластиковой разделочной доске.

Кто-то зовет ее.

Дочь?

Мама?

Мелодичный голос несется к ней с берега.

Маленькая головка запрокидывается вверх, смотрит на гигантский скелет, который висит над ними.

Крохотная ручка показывает на извивающийся силуэт в море.

Снова этот раздвоенный хвост необычного цвета. Хвост цвета морской глубины.

Пение.

Смех.

Вино льется в бокал. Неодобрительный взгляд кошки.

Свет, падающий сквозь листву, играет на страницах бесценной книги.

Она закрывает глаза. Возможно ли видеть сон о сне?

Ее снова зовут. Его голос.

Вечереет. Пора идти. Чья-то рука гладит ее по влажным волосам.

Она переворачивает страницу. Пусть зовут. Вот только дочитает эту главу.

Стремительный поток воздуха. Стон, до того отчаянный, что у нее щемит сердце.

Шум, который нельзя не услышать.

Над ней — белый остов. Хребет; широко распахнутые реберные дуги; челюсти, похожие на клещи; роговые пластины.

Кости кита немного светятся в темноте.

Она смежает веки. Думает: мой старый друг, мой дом, мое убежище.

— Спасибо.

1

Среди груды плавника на испещренном черными крапинками песке распласталось огромное существо.

Издали оно похоже на гигантского слизня, греющегося на берегу, но, подходя ближе, Рут видит, что это млекопитающее. Теплокровное млекопитающее, которое дышит кислородом и даже имеет пупок, как и она сама.

Его размеры ошеломляют. Уставший мозг, да и глаза тоже просто отказываются это воспринимать. На секунду ей кажется, что у нее галлюцинации, но от чудовища исходит запах, который она почти чувствует на языке.

Она ехала сюда, чтобы посмотреть на это животное. С детства о том мечтала, представляла это мгновение, только не думала, что это произойдет при столь печальных обстоятельствах.

Рут торопливо идет к берегу. Мышцы отзываются болью, дыхание прерывистое. Животное до того огромное, что одним взглядом его не охватить. Ее глаза бегают туда-сюда, скользят по грациозному плавнику, лежащему среди стелющихся водорослей, по всему телу от рыла до хвоста и обратно.

«Размером с пару двухэтажных автобусов».

Сколько раз она это читала?

Кожа не синяя, как она всегда думала, а черная. Но не глянцево-черная, как горячая смола, а с густым зелено-синим отливом — темно-бирюзовая.

Как напольная плитка в коридоре у Фрэн, думает она.

Кожа кита напоминает покрытую лаком растрескавшуюся древесину. Как на старом пианино. Ни дать ни взять прибитый к берегу гигантский рояль из бального зала потерпевшего кораблекрушение океанского лайнера. Длинное белое брюхо с бороздками, как на брусках пластилина. Участки кожи перламутрово-белого,

бежевого, кремового цветов испещрены серыми, черными, кораллово-оранжевыми отметинами. Вокруг пасти и глаз тоже оранжевые пятна, похожие на ржавчину: размазавшийся в воде небрежный макияж.

Рут чувствует вибрацию теплящейся жизни: за ней наблюдают.

Теперь она замечает, что у животного открыт глаз. Он без ресниц, но есть в нем что-то знакомое. Черный зрачок обрамляет бело-желтая окаемка.

Совсем как у человека.

Кажется, что он смотрит, видит.

Ей хочется опуститься на колени рядом с животным и положить на него ладони в порыве... чего? Благоговения? Почитания? Священного трепета? Желание прикоснуться к животному непреодолимо.

Она хватает ртом воздух, грудь ходит ходуном. Мышцы, тугоподвижные от скопившейся в них молочной кислоты, протестуют. Нога подворачивается на песке, и лодыжку пронзает боль — напоминание о том, как она недавно упала. Горло горит, саднит, во рту пересохло от жажды: уже несколько дней она не пьет вдоволь.

Рут отстегивает рюкзаки, те бухаются на песок рядом с животным.

Она в жизни не видела ничего прекраснее.

Неподалеку от ручья, пробивающегося сквозь камни к океану, стоит пикап. В его ветровом стекле отражается нависшее над океаном розовое небо, водителя снаружи не видно.

Ник выключает радио и сидит, наблюдая за женщиной через окрашенное в розовый цвет стекло.

Огромный рюкзак сполз с ее спины, и он замечает, что плечи женщины шелушатся, — видимо, она слишком долго находилась на солнце.

Он наваливается на руль, наблюдая, как она наклоняется и роется в пакетах, выкладывая вещи на песок. Достает контейнер — пластиковую коробку с защелкивающейся крышкой: в таких обычно носят сэндвичи. Она снимает крышку, отбрасывает ее, содержимое коробки опрокидывает на землю и бежит к морю.

До воды добирается быстро.

Должно быть, ноги у нее длинные, хотя рост ее определить невозможно: рядом с китом любой человек кажется крошечным.

Откуда она примчалась?

Видно, что одежда ее намочена от пота. Волосы, местами золотистые, тоже влажные. Она собрала их на самой макушке, но несколько завитков выбились из пучка и теперь липнут ко лбу и шее, покрытым испариной.

С трудом присев у кромки берега, она зачерпывает контейнером воду. Ему понятно, что она задумала: пытается донести воду до животного, которое лежит на боку так непривычно далеко от океана. Определенно не профи.

Обычная туристка, радеющая за животных. Невольная свидетельница неизбежного конца.

Женщина бегом возвращается к гиганту, по пути расплескивая часть воды из маленького контейнера. Поравнявшись с глазом животного, она поднимает руку, чтобы вылить на него воду. Ник с удивлением замечает у нее под мышкой волосы, такого же оттенка, как на голове.

Одна из этих женщин.

Он вскидывает брови, бросает взгляд на розовеющее небо и, глубоко вздохнув, выбирается из пикапа.

Рут замечает человека и останавливается как вкопанная.

— Помогите! Пожалуйста!

Она снова бежит к морю, наполняет пластиковый контейнер водой. Слишком маленький. Может быть, у незнакомца в машине есть более подходящая емкость.

Она резко поворачивается, отчего живот пронзывает боль, и все так же бегом возвращается к киту.

Выливает воду из контейнера на сухой бок животного и кладет ладонь на его шершавую голову, почти у самого глаза.

— Держись, — шепчет ему, тяжело отдуваясь.

Потом устремляет взгляд на мужчину. Тот стоит, прислонившись к машине, руки сложены на груди.

— Да не стойте же как истукан! Помогите. У вас есть что-нибудь, в чем можно носить воду?

Он щурится, словно не понимает, что ему говорят.

Она качает головой, чуть прихрамывая, снова идет за водой и бегом возвращается к киту со своим импровизированным ведром.

Привалившись к капоту, Ник склоняет набок голову и смотрит, как женщина в очередной раз мчит к воде. Потом выпрямляется и идет к тому месту, где она разложила свои вещи. Наблюдает, как она обеими руками пытается удержать в равновесии контейнер, из которого все равно выплескивается соленая вода.

У нее за спиной алеет вечерняя заря, напоминая ему, что любое общение с этой женщиной абсолютно бесполезно. Бессмысленно. Пустая трата времени.

— Не помогает, да?

Она резко поворачивается к нему. Они стоят лицом к лицу. Непривычно для него, тем более что перед ним женщина. Значит, она высокая. Высокая и сердитая.

— Ну так что? У вас есть ведро?

Акцент. А раньше вроде не было.

— Вы пришли помочь мне? Или что?

Англичанка? Прекрасно.

Дыхание женщины обдает его лицо. Оно несвежее — видимо, она давно ничего не ела.

— Вы смотрели новости? — мягко спрашивает Ник, словно обращается к разъяренной кошке.

Она смотрит на него, выпятив подбородок, но на вопрос не отвечает.

— Вы британка, да?

В ее лице мелькает что-то необъяснимое.

— Мне жаль, — говорит он.

Тяжело дыша, она поворачивается и снова бросается к морю.

Он разглядывает ее вещи, что лежат вокруг него на песке. Небольшой рюкзак, сетка с апельсинами; лекарства, вываленные из контейнера, которым она зачерпывает морскую воду. Походный рюкзак тоже есть, набит битком, натянутые ремни трещат. С них свисают металлическая фляга, фонарь. С одной стороны к рюкзаку ремнями прикреплена палатка, с другой — свернутый в скатку спальный мешок. Под днищем — полотенце в пластиковом пакете.

— Вы путешествуете в одиночку?

Рут резко оборачивается, окидывает незнакомца оценивающим взглядом. Ростом она ему не уступает, да и в быстроте, вне сомнения, тоже. Но он значительно плотнее, крепче и, скорее всего, намного сильнее.

— Да. — Она переводит дух. Легкие горят, будто охвачены огнем.

Кит вдруг начинает шевелиться, вздрагивает всей своей машиной, с трудом поднимая в воздух хвост и плавники. И со всего размаху опускает их на мокрый песок. Раздается оглушительный треск, как при вспышке молнии. Вверх поднимаются фонтаны песчинок, сопровождаемые протяжным вздохом.

Ей больно слышать этот вздох.

— Ой, нет, нет! — визгливый вскрик Рут выдает ее панику. Она и сама слышит смятение в своем голосе. — Что нам делать? — спрашивает она у незнакомца, поворачиваясь к нему.

Ник встречает взгляд женщины, и выражение его лица смягчается.

— Мы уже ничего не можем сделать.

Он замечает, что глаза ее немного воспалены. Края век, обрамленные длинными загибающимися ресницами, покраснели, как будто их долго терли.

— Поверьте, я хотел бы помочь. Но мы можем только ждать, быть с ним рядом.

Женщина по-прежнему смотрит на него, в ее взгляде отчаяние.

Ник физически ощущает исходящее от нее горе, и это мучительно, невыносимо.

Он опускает глаза и носком ботинка медленно выписывает на песке восьмерку. Ну как подобрать верные слова? И все-таки лучше сказать хоть что-нибудь, пусть и невпопад, чем промолчать.

— Сочувствую вашей утрате.

Она не станет плакать, нет времени на слезы. Кусая губу, Рут тоже опускает взгляд, затем закрывает глаза, стараясь дышать медленно. Ноздри ее чуть раздуваются.

— Мне не нужно ваше сочувствие. Мне нужна ваша помощь.

Мужчина улыбается, точнее — кривит губы в подобии улыбки. Такое впечатление, что ему все равно: словно он пытался улыбнуться, но потом передумал.

— Даже если бы у нас с вами были большие ведра... нет, не так... даже если бы у нас с вами была большая лодка или целых пять лодок, это ничего бы не изменило. Ему уже ничем не поможешь.

Рут чувствует, как ноги ее слабеют, и она с глухим стуком плюхается на песок.

— Почему это происходит? Это ведь так... несправедливо.

Кит, словно вторя ей, издает стон. Пронзительно-утробный скрип, подобный скрежету днища судна о камни. Смиранный всхлип умирающего существа, отдающегося в объятия смерти.

— Нет.

Рут подскакивает к киту, садится на корточки перед его глазом.

— Останься со мной, прошу тебя. Не покидай меня, пожалуйста.

Кит испускает последний судорожный вздох. Из его дыхала, словно пар из чайника, вырывается струя воздуха. Глаз, лишь чуточку меньше головы Рут, стекленеет. И жизнь в нем гаснет. Словно штору задвинули на окне.

Рут смотрит, затаив дыхание. Затем падает на колени и лбом прижимается к обезвоженной шкуре кита.